

МИРМЕХТИ АГАОГЛУ

ЛИК ИМАМА

рассказ

Посвящается жертвам ИГИЛ

На этот раз удар топора пришелся не по корню дерева, а по затвердевшей земле. Руки совсем обессилели. Опустившись на землю, он сел, с трудом дотянулся до своего узелка с едой, на который положил шапку, и вытянул сигарету из пачки «Астры». Зажег спичку и прикурил. Глубоко затянувшись сигаретным дымом, он, упершись локтями в колени, вытянул руки вперед. Охватил взглядом простирающийся перед ним противоположный берег Куры.

До дому было недалеко: его можно было увидеть, если подняться на дамбу, но полчаса назад он совершил намаз здесь же, в зарослях тамариска, растущих вдоль берега. Отправляясь рано утром за дровами, он взял с собой коврик и все необходимое, надеясь, что, может быть, здесь, вдали от людей, дьявол не проникнет в его душу, и он с чистым сердце совершит молитву.

Будь он проклят, этот дьявол – его образ снова ожил перед глазами, когда он шел на молитву. Он почувствовал, что на него не снизошла благодать молитвы. Вот уже несколько дней он не находил ни сна, ни покоя. Он чувствовал себя идолопоклонником, неверным.

Совершать намаз его научил отец еще в детстве. С тех самых пор с ним ничего подобного не случалось. Несмотря на то, что ему было за пятьдесят, за всю свою жизнь он пропустил время намаза не более пятидесяти раз. Об этом знали не только в деревне, где он родился, но и в других деревнях, поселках и близлежащих районах. О его глубокой набожности и праведности было известно и председателю колхоза, и сотрудникам милиции, и участковому инспектору. Они знали также и то, что намаз он совершает не просто так, для видимости, не пропагандирует открыто религию и не зарабатывает, выполняя обязанности муллы. Он содержал свою семью, зарабатывая честным трудом, а людские пожертвования он раздавал бедным и немущим.

На «Кюрсангинском нефтяном месторождении», где он работал, все знали его родословную и высокое происхождение. Благодаря ему, еще более возросло уважение и почтение к его роду. Поэтому когда в деревню привезли это таинственное изображение, в первую очередь об этом сообщили именно ему.

Как только Ага, вернувшись с работы, вошел во двор через ворота, старшая дочь по обыкновению поспешила к колодцу. Остальные дети, как обычно, с радостными возгласами побежали ему навстречу. Он присел на стул перед кухней. Дочь из кружки полила ему на руки – он вымыл лицо и руки, потрескавшиеся, словно русло реки, шею и затылок, охладил ноги. Младшая дочь поймала иранскую радиоволну и увеличила громкость – звучал азан, призыв на намаз.

На табуретку, стоящую перед ним, постелили скатерть, поставили стакан с блюдцем и сахарницу. Был готов и только что заваренный ароматный чай. Он совершил омовение перед намазом и ушел в столовую, где обычно молился.

Завершив молитву, он отправился заниматься скотиной. Жены и старших сыновей не было. Они работали в поле, на колхозных участках.

К вечеру соберутся все домочадцы, и они всей семьей будут ужинать в столовой.

Когда постучали в ворота, ужин уже давно подошел к концу. Он прилег в столовой на диване и, опершись на подушку, смотрел программу «Новости».

Тут неожиданно пришел бригадир Агагусейн.

Они вышли во двор и сели за стол под навесом. Поговорили немного об обстановке в деревне, о том, кто работает в поле, кто уваливает от работы, о новом назначении председателя Нуруша Алиева, о том, как последний наказывает расхитителей кормового клевера с колхозных угодий, о последнем выступлении Брейнвейна, о международной обстановке, империалистической политике Америки, напряженной обстановке в Афганистане, ослаблении шахского режима в Иране и т.п. Когда они остались за столом одни, Агагусейн тихо сказал, что Мешади Мехтиоглу Мамед позвал его по поводу одного дельца. Наказал, чтобы пришли ночью. Агагусейн, хотя и намекнул на важность вопроса, в подробности вдаваться не стал.

Это было неудивительно. Когда в деревне случалось что-нибудь запутанное, кто-то был обижен, кто-то не решался давать сватам девушки положительный ответ, когда сторона, у которой увели дочь, не хотела идти на примирение с противоположной стороной, когда возникал конфликт между должниками – во всех этих и других сложных случаях Ага приглашался как человек, пользующийся авторитетом среди односельчан и способный разрешить мирным путем тот или иной конфликтный вопрос.

Сельские коммунисты, должностные лица, вынужденные держаться подальше от религии, в вопросах религии доверяли ему и его решениям, находя успокоение в этом, словно считая, что так они выполнили свои духовные обязательства.

Мамед был дома не один. У него были инженер Джафар Шых Гулам оглу и шофер Самед Кябля Ахмед оглу. Сидя на веранде, они пили чай из самовара. Не видно было сына-подростка Мамеда – в это время он обычно гулял с друзьями. Налив только что прибывшим гостям чаю, его жена, словно призрак, удалась и исчезла за одной из дверей.

Разговор за столом шел о текущих сельских делах: посевная и жатва в колхозе, сбор урожая, полив, скотина и т.п. Немного погодя вернулся сын Мамеда. Поднявшись на веранду, он поприветствовал гостей и, обернувшись к отцу, сказал: «Дяди Мирсаттара нет, он уехал в Баку проведать брата». Оставшись доволен сыном, Мамед велел ему пойти в свою комнату.

В деревне стояла тишина. Если бы не ветер, временами доносивший до них шум тракторов, можно было бы решить, что вся деревня, не считая пяти человек, сидящих на веранде, растаяв в кромешной темноте, бесследно исчезла. Тишину нарушал и доносившийся из сада стрекот сверчков и кузнечиков.

Мамед заговорил о главном:

– Вам известно, какова обстановка в Иране. Положение шаха удручающее, не сегодня-завтра его свергнут. Когда Самед был в Астаре, ему передали кое-что нелегальное. Говорят, эту вещь сделали в Иране и распространяют верующие люди. Самед сперва испугался, решив, что его хотят впутать во что-то темное, но, поговорив с людьми, убедился, что это вовсе не агенты какие-нибудь. Поэтому он взял эту вещь... Я покажу вам это, Ага, посмотри и ты, а затем поделись с нами своими соображениями.

Продолжая говорить, Мамед достал из нагрудного кармана пиджака платок, расстелил его на столе, затем, прежде чем достать эту таинственную вещь из паспорта, между страниц которого она была заложена, краешком глаза посмотрел на дверь веранды и оглядел двор.

Сын и жена были заняты своими делами. Жена, возможно, даже спала. Во дворе ничего не вызывало подозрения.

Он достал из паспорта заложенную в него картинку. Поцеловав изображение, он приложил картинку к глазам, затем протянул ее Аге:

– Ага, посмотри и скажи: это не изображение имама Али? Говорят, что это изображение нарисовали специалисты на основании сведений о нем. Изобразили точь-в-точь. Вот, говорят, распространяйте, раздавайте мусульманам».

Ага взял картинку. Три раза поцеловав изображение, приложил к глазам. Он внимательно посмотрел на человека, изображенного на картинке, на крепкие руки, державшие меч, лежавший у имама на коленях. Осторожно коснулся пальцами меча. У него задрожали руки. Мамед продолжал говорить, а он все еще не мог отвести глаз от изображения.

– Из нас более всех достоин хранить это изображение ты, я это знаю. Но не хочу подвергать тебя опасности, отдавая его тебе.

– Что ты говоришь?! Я сочту это за большую честь.

– Но это очень опасно.

– Да поможет мне Аллах!

– Дай Бог, с Его помощью! – повторили остальные вслед за Мамедом.

– Да поможет тебе Бог! Аминь!

– Вот еще что хочу спросить: тебе ведь хорошо известно, что ислам запрещает изображать лицо святого. Не берем ли мы грех на душу, распространяя это изображение?

– Клянусь Аллахом, не знаю, что и сказать, ты верно говоришь – в исламе запрещено изображать лицо. Я просто следую за муджтахидом в этом вопросе. Но мне неизвестно его мнение насчет изображения имама или других святых. Если переправили из Ирана... они, полагаю, знают больше нас...

Не рассуждая долго, он протянул изображение Джафару. Тот взял изображение, поцеловал и, глубоко вздохнув, тихо заговорил:

– Самед, тебе ничего не сказали, когда дали это изображение?

– Клянусь Аллахом, сказали – распространяйте. Как говорит Ага, они знают лучше и больше нас.

Джафар, обернувшись, посмотрел в сторону правления колхоза, затем опять повернулся к столу. Кирпичное здание правления колхоза, отражающее красноватый свет, наваяло на него ужас, словно и здание могло следить за кем-то или подслушивать.

– И я так думаю. Если в Иране так советуют, значит, в этом нет ничего такого, что противоречило бы религии. Это обычное изображение, это изображение имама Али, да буду я жертвой его, – сказал Мамед. – Ага, пусть эта фотография пока остается у тебя, но, ради Аллаха, храни ее в надежном месте и никому не показывай.

– Не беспокойся, – сказал Ага.

– И поинтересуйся, и мы все подумаем, где можно найти надежного фотографа, который не болтал бы языком понапрасну.

– Зачем ходить вокруг да около? Скажем фотографу Халигу. Он наш односельчанин, – сказал Самед.

– А не его ли отец написал в 1937 году донос, из-за которого отца Джафара – Шых Гулама – сослали в Сибирь? Этот подлец продаст и нас! – сказал Агагусейн.

– Почему ты не говоришь о своем отце, Агагусейн? – спросил вдруг Самед. – Твой отец, Салам бек, тоже был расстрелян не без содействия отца Халига.

– Давайте не затягивать вопрос. Дело-то не в Халиге.

Отца Мамеда тоже расстреляли в те годы, однако он сам положил конец разговорам о репрессиях.

Если на то пошло, в те годы объявили кулаком и сослали и отца Самеда – Кябля Ахмеда. Из тех, кто посещал тайные собрания, правительство не тронуло только отца Аги – Самедагу. Все были уверены, что большевики не оставят в покое сейида, поль-

зующегося авторитетом и уважением населения. Однако он все равно остерегался выходить из дома и общаться с людьми.

Однажды он ехал в Лянкяран. Его задержали прямо в пути. Он пробыл под арестом всего два дня.

В первый день начальника замучили сильные боли в животе и расстройство желудка.

На второй день прибежал впопыхах прапорщик и сообщил: «Командир, дома твои дети и жена лежат на полу и корчатся от болей в животе. Сельский фельдшер прописал лекарства, но толку от них никакого».

Прапорщик сказал скорчившемуся от боли командиру, мол, отпустили бы вы его, он старый, безобидный человек, почтенный сейид, ни с кем не имеет никаких дел, никому не мешает, ничего дурного за ним не водится, детей хоть своих пожалейте. Они ведь стонут от боли, скорчившись на полу. Отпустите старого сейида...

Ага не любил, когда говорили про чудеса, творимые его отцом. Во-первых, он считал зазорным хвастаться такими вещами. Во-вторых, нельзя идти против правительства, иначе оно могло отомстить его сыну, несмотря на то, что прошло уже 30-40 лет. В этом случае семья, состоящая из двенадцати человек, останется без кормильца.

Вернувшись к себе, он зашел во двор и увидел, что в доме не горит свет. Горела только лампа над воротами. Баня находилась позади дома. Вдоль ограды росли вьющиеся розы, и вход в баню напоминал джунгли: с улицы было не разглядеть заднюю часть дома. Включив освещение в бане, он опустился на корточки у входной двери. Закурил сигарету. Достал из нагрудного кармана пиджака платок, осторожно развернув его, взял фотографию с изображением. Посмотрел... смотрел... смотрел...

Свет, падающий из глубины бани, освещал лишь пядь земли у входа. Его руки дрожали, изображение то и дело становилось в темноте невидимым.

Один глаз Имама был изображен непорочным и безгрешным, словно глаз ребенка, другой глядел сурово и властно. Рука, державшая эфес меча, сжималась в гневе, другая рука лежала на лезвии меча, словно гладила ребенка по голове.

На руку, которая держала портрет, упали две капли. Это был не дождь... Он плакал.

Во время утреннего намаза изображение оживало перед его взором. Как хорошо, что он увидел лик имама! Он сам, неоднократно слушая беседы мулл на религиозную тему, рассказы о случившихся на свете чудесах, читая главы из Корана, слушая в детстве предания, рассказываемые отцом, представлял образ имама. Были ли те образы такими же, как сейчас, были ли похожи воображаемые «имамы» на того, который был изображен на фотографии? Нет! Когда он увидел изображение имама, прежние образы словно улетучились из памяти. Сейчас он не мог вспомнить их.

Когда он совершал полуденный намаз на работе, образ имама стоял перед его мысленным взором. Совершая намаз, он закрывал глаза, и каждый раз перед глазами оживал образ имама, и он приходя в восторг, иногда минутами не поднимал головы, все плакал и плакал...

Вот уже целую неделю он носил портрет в нагрудном кармане пиджака. Завернув в платочек, он положил его возле маленького молитвенника. Поначалу его радовало осознавать, что портрет имама при нем – ему казалось, что с портретом ему и смерть не страшна. Он считал, что с этим изображением в кармане он может пройти через огонь и пламя. На первых порах ему хотелось показывать портрет верующим людям, которых он встречал на религиозных собраниях, вот, мол, портрет имама, но теперь портрет лишил его покоя. Даже когда он поднимал голову и смотрел в небо, перед глазами оживал образ имама, когда опускал голову и хотел думать об Аллахе, опять же видел его. Теперь между Всевышним и ним присутствовал он – имам. Он не

мог поднять головы и посмотреть вверх, словно влюбленный, предавший свою возлюбленную.

Портрет стал своего рода мерой его веры. Он не мог думать ни о чем другом, кроме портрета. Со дня своего совершеннолетия он ни разу не пропустил время намаза, но теперь ему казалось, что с того дня, как он увидел образ имама, намаз, совершаемый им, не угоден Аллаху и не принимается им. Он не знал, как быть, что делать, правильно ли он поступает. Он чувствовал только одно: стыд перед Аллахом.

...Он очнулся от грез, услышав голос сына. Время близилось к вечеру. С самого полудня он сидел, не шелохнувшись. Бросив окурок, он встал. Ноги ныли от боли. Сын звал его помочь принести собранные дрова – он взял топор, и, положив его на дрова в тачке, пошел вперед, толкая её перед собой. Ага зашагал вслед за ними по следам колес с ноющими от боли ногами. Еще сильнее ныла его душа.

Работники ночной смены ели и пили под навесом. Ага не присоединился к ним – он сидел перед костром, который развели перед управлением работники и пекли в нем картошку. Рабочие знали, что он избегает всяких увеселительных застолий, где распивают спиртные напитки. Поэтому они заранее отложили в сторону его долю и оставили у костра. Веселье под навесом было в полном разгаре, а он даже не приоткрылся к еде.

Наступило время вечернего намаза. Впервые в жизни его не беспокоило опоздание на намаз. Про себя он несколько раз сказал: «Будь проклят, дьявол». Затем достал из кармана молитвенник и при свете костра стал читать главу «Ясин» из Корана. Дойдя до определенного аята, замолчал. Закрыв книгу, взял ее в левую руку. Правую сунул во внутренний карман.

Развернув платок, взял в руки портрет. Всклипывая, он смотрел на изображение. Всю неделю он пытался узнать, что думают на этот счет представители высшего духовенства, но не добился никаких результатов. Не было никого, кого можно было бы спросить о том, чего не знаешь. А портрет продолжал делать свое дело. Он стал абсолютно равнодушен к религии, намазу, он не мог всей душой понять Аллаха. На его вере словно появилось пятно; она разбилась вдребезги, словно стекло.

Хохот людей, веселящихся под навесом, постепенно усиливался. Для того, чтобы лучше разглядеть лик имама, он протянул руку ближе к огню. Закрыв глаза, он постарался вспомнить услышанные в детстве предания и рассказы. Слезы потекли из его глаз к бороде. Открыв мокрые от слез глаза, он еще раз взглянул на портрет, который теперь напоминал мозаику, закрыл глаза и открыл их вновь. И бросил портрет в костер, как ненужную вещь.

Подняв голову, он смотрел на звездное небо, где было рассыпано так много звезд... Словно кто-то горстями разбросал их по всему небу... А между звездами простирался длинный белый путь...

Перевод Этимада БАШКЕЧИДА
